

ББК 83.3
УДК 821.161.1

Н. А. Ромашенко¹

ORCID: 0009-0000-2605-7425

*Новосибирский государственный
технический университет*

*630102, Россия, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, 20
romashenko-022@mail.ru*

Т. Н. Чурляева²

ORCID: 0000-0002-0062-5479

*Новосибирский государственный
технический университет*

*630102, Россия, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, 20
churlyaevatatyana@gmail.com*

**«ДЕЙСТВИЕ БЕЗ НАДЕЖДЫ НА УСПЕХ»,
ИЛИ К ВОЗМОЖНОСТИ «ОРГАНИЗАЦИИ» ХАОСА
(В. С. МАКАНИН «ДОЛОГ НАШ ПУТЬ»)**

«Зрелая» проза В. С. Маканина (1980–1990-е гг.) характеризуется творческим стремлением к художественной репрезентации экзистенциальных проблем, обусловленных социокультурными и историческими изменениям в современном мире, на фоне которых остро выявляется кризис духовной жизни человека [1; 6; 13]. В этой связи раскрытие сюжетобразующего значения ситуации познания в ее онтологическом и гносеологическом аспектах являет собой возможность раскрытия авторской картины мира относительно представлений о человеке и современной реальности в условиях осознания абсурдности бытия. Предметом научного исследования являются сюжетобразующие элементы ситуации познания в повести В. Маканина «Долог наш путь». Цель работы видится в выявлении сюжетобразующего значения ситуации

¹ Ромашенко Наталья Алексеевна, студент направления 45.03.01 «Прикладная филология», Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

² Чурляева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

познания в сюжетологическом (сюжетно-фабульная композиция, пространственно-временная семантика), и нарратологическом (повествовательная структура текста) аспектах. Изучение сюжетообразующей ситуации познания на фоне и в сравнении с экзистенциалистскими произведениями Ж.-П. Сартра и А. Камю позволяет выявить экзистенциальный характер художественного конфликта повести, возникающего в момент обнаружения человеком абсурда (хаоса). Уровень осознания абсурда (гносеологический или онтологический) обуславливает выбор героем способа самоопределения – бегство или сопротивление «без надежды на успех». Несмотря на признание абсурда как неотменяемого свойства бытия и сознания в авторской позиции доминирующим чувством оказывается чувство трагического гуманизма, что близко по своему нравственно-этическому пафосу философии абсурда А. Камю. В качестве метода исследования используется структурно-семиотический подход Ю. М. Лотмана, позволяющий раскрыть ключевые смыслы повествовательной логики событийности, художественно-коммуникативный подход (М. М. Бахтин, В. И. Тюпа и др.), а также метод филологической герменевтики, помогающий выявить смысловые значения событийных элементов художественного повествования.

Ключевые слова: экзистенциализм, сюжет познания, абсурд, зло (хаос), Ж.-П. Сартр, А. Камю

В прозе В. Маканина заметны следы влияния философии экзистенциализма [5; 10; 11; 15]. Поиск нравственно-духовных принципов совместности человека и реальности свидетельствует о близости В. Маканина экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра и философии абсурда А. Камю. В. Маканин не столько повторяет, сколько подвергает проверке современностью идеи философов-экзистенциалистов с тем, чтобы понять, насколько эти идеи, рождённые в трагические 1930–1940-е гг., сохраняют свою актуальность в период 1980–1990-х гг.

Роман Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938) и повесть А. Камю «Посторонний» (1940) художественно манифестируют иррациональную суть бытия и трагическую обреченность на абсурдное существование человека [4; 12]. Следуя философии атеистического экзистенциализма, Ж.-П. Сартр определяет человека неотъемлемой частью хаотичного бытия, вынужденного самостоятельно определять сущность своего существования («первым делом экзистенциализм отдаёт каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [14, 323]). Фундаментом

философии А. Камю является категория абсурда как разрыва между априори непроясненной сутью бытия и страстным желанием человека ясности сознания [3, 404]. Этическое самоутверждение – «действие без надежды на успех» видится А. Камю единственно возможным способом самоопределения [3]. Ж.-П. Сартр и А. Камю, двигаясь разными путями, приходят к пониманию необходимости человека взрастить в себе сопротивление (духовное, нравственное, этическое).

Логика событийности в повести раскрывается в сложно организованном повествовании (структура «текст в тексте»), сюжетно-фабульные элементы которого вступают друг с другом в нелинейные отношения. Разделяющая тексты по принципу включения и обрамления граница, вследствие своей проницаемости, обуславливает взаимопроникновение двух хронотопов: реальности (социальной и бытийной) и вымысла, художественно репрезентирующего время-пространство уже наступившего ХХII века. Попытка выявить доминирующий «рассказ» в структуре «текст в тексте» приводит к неоднозначному выводу: «рассказ о мясокомбинате ХХII в. и о командировочном» обрамляет «рассказ о времени середины 1980-х гг. и его основном герое Илье Ивановиче».

Следуя формальной логике построения текста, обнаруживаем, что время наступившего утопического будущего («не убий!») скептически отбрасывает неидеальное настоящее, если не отменяет его совсем. Однако сюжетологическая модель повести эксплицирует иные смысловые значения. Сочиненный автором-персонажем «рассказ о командировочном» на уровне события рассказа [2] является ничем иным как этическим жестом – попыткой поддержать друга подаренной иллюзией возможного освобождения от страха смерти и насилия; на уровне события рассказывания – авторским воплощением экзистенциального поиска альтернативного абсурдному способу мироустройства и существования человека.

История об Илье Ивановиче есть художественная объективация «пограничной ситуации», высвечивающей экзистенциальный конфликт, возникающий при столкновении человека с окружающей его жестокой и несправедливой социальной реальностью. Суть проблемы видится герою в несовершенной природе человека. Илья Иванович находит зло в преднамеренных убийствах бездомных собак («В одном Ленинграде, по статистике, уничтожено за год 85 тысяч собак» [8, 495]), в непреднамеренных убийствах случайно сбитых машинами городских птиц («он не может ехать, не может сидеть у автобусного окна, пока голубя не уберут» [8, 504]) в убийстве коров ради мяса («Ведь мы их едим» [8, 493]).

В сюжете Ильи Ивановича проблема присутствия человека в мире раскрывается в трагическом ключе: герой «не переносил, когда

человеку, или животному, или какой-нибудь птице было больно» [8, 491]. Неприемлемым для него являются не только жестокость людей по отношению к животным [8, 494], но и звериная жестокость, проявляющаяся в человеческом мире – «убийства, расчленки в подъездах, закопанные в мусорных баках младенцы» [8, 504].

Ситуация трагического конфликта человека и социума в сюжете Ильи Ивановича отсылает к герою романа Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938) [12]. Так внезапно изменённое видение и восприятие раннее привычного мира приводит маканинского героя, подобно сартровскому Рокантену, к переосмыслению устройства мира, организации общества, отношений между человеком и другим существом. В сознании Ильи Ивановича социальный мир открывается как несправедливый, с неприемлемыми для него способами организации.

В сартровской истории реакция героя на окружающий мир выражается в экзистенциальном чувстве тошноты, тогда как в маканинском сюжете реакцией на несовершенство социального мира становится поражающая сознание болезнь – шизофрения. В результате единственным способом существования избирается «уход». Один из таких вариантов «ухода» видится герою в утопическом стремлении к «высокому нравственному сговору» [8, 492] по принципу умалчивания и сокрытия жестокости с целью демонстрации этического начала как главенствующего качества человека. В представлении Ильи Ивановича автотрофная реальность возможна путем возведения «секретных скотобоен» и внушения всему обществу идеи «применения искусственных синтезируемых белков» [8, 494]. Иной вариант «ухода» выражается в «спасительной пилюле», блокирующей чувствительность. Именно поэтому нахождение в психиатрической больнице понимается героем не как лечение, а как возможность укрыться от зла реальности посредством успокаивающих страх и тревогу препаратов¹.

В сюжете Ильи Ивановича гносеологический аспект абсурда раскрывается в «тупиковости» сознания – в открытии хаоса и в решении окончательного разрыва связей с жизнью, в которой есть зло (хаос). Нравственное прозрение, возникающее в результате накопления знаний о зле (хаосе), не приводит к духовному сопротивлению. Напротив, смерть героя является лишь констатацией

¹ Мотив «спасительной пилюли» является сквозным в творчестве В. Маканина. В повести «Утрата» (1987) история «таблеточника» схожа с историей Ильи Ивановича попытками «затуманить» собственное сознание, уйти в бессознательное как в спасительную для не способной к восприятию зла души нишу [9].

страха сосуществования со злом, онтологически заложенном в условиях существования. Сюжет Ильи Ивановича раскрывает гносеологический аспект абсурда.

Автор-персонаж, выступающий оппонентом Ильи Ивановича, иронически переосмысливает модель будущего, предлагаемую приятелем – «Открытиями новейших заменителей мяса (одно открытие обгоняет другое) полны газеты. Это обсуждается и в правительстве, и просто на улицах. А телевидение в программе новостей каждый вечер демонстрирует целые бассейны, наполненные искусственными белками» [8, 496]. Безответственным, с точки зрения автора-персонажа, является так же и бегство Ильи Ивановича в больницу за «спасительной пилюлей» («Так приятно переложить свои тяжести на плечи таблетки») [8, 515] в надежде застраховаться от зла.

В сюжете Ильи Ивановича «вера» в «пяточок, свободный от зла» [8, 505] лишь на время успокаивает героя, отсрочивая неизбежность губельного финала (смерть от инфаркта), т. е. все возможности исключить себя из реальности и тем самым спастись от зла, онтологически укорененного в реальности, оказываются иллюзорными.

Разность позиций Ильи Ивановича и автора-персонажа обусловлена разностью осознания реальности. Илья Иванович воспринимает мир с позиции дуальности, т. е. осознает устойчивость миропорядка и мыслит его исключительно в категориях добра и зла, тогда как автор-персонаж исходит из единственно возможного для него допущения абсурдности бытия, его нелогичности, неразумности. В представлении нарратора преступным является избегание реальности, пусть даже страшной и нелогичной. Сознательное вглядывания в реальность не с тем, чтобы ее оправдать, а с тем, чтобы, зная о тотальной природе зла, действовать «без надежды на успех», проявлять усилия к этическому сопротивлению, поскольку не-сопротивление собственному экзистенциальному страху перед реальностью оборачивается для человека поражение, представляется единственный подлинным способом самоопределения.

Вымышленная история позволяет уловить иронически-скептическое отношение автора-персонажа относительно идеалистических представлений Ильи Ивановича. Утопическая модель XXII века иллюстрирует возможный путь развития человечества, которое избавилось от зла и в котором гуманные и этические ценности доведены до абсолюта – «уже лет двести, как нет войн, ни больных, ни малых, народы и концерны доверяют друг другу, и гуманистические ценности восторжествовали» [8, 457]. Решена

и проблема убийства коров – знака неидеального мироустройства – за счёт технологических достижений, позволивших реализовать принцип «не убий». В XXII в. человек из гетеротрофа становится автотрофом. Научно-технологический прогресс приводит к равноправию человека и живых существ путём синтеза искусственного белка, к организации идеального мира, основанном на принципах добра, равенства и самоценности всякой жизни.

Главным героем вымышленного рассказа является молодой инженер, отправившийся на комбинат с целью внедрения изобретённого им технологического узла АТм-241. Установка «узла» требует от командированного доскональной проверки работы всех циклов конвейера – «во время испытания он хотел бы видеть весь конвейер» [8, 466], в результате которой герой приходит к трагическому осознанию – человечество не устранило зло, а лишь замаскировало, сделало невидимым.

Подозрение о том, что на комбинате по-прежнему убивают животных, возникает ещё в начале «пути». Станным кажется резкий запах убоины, объяснение которому видится в том, что «они там со своей химией перегустили...» [8, 462]. Чувство подозрения рождает любопытство и стремление изучить весь процесс работы комбината, чтобы «во время испытания видеть весь конвейер» [8, 466].

Знание о том, что на комбинате, как и в прежние времена, продолжают убивать животных приходит после экспериментального прохождения молодым специалистом всех циклов конвейера, вплоть до «нулевого» – камеры умерщвления коров током. Герой осознает, что зло (смерть) не побеждено, убийство животных не устранено, а замаскировано, а идея о синтезируемом белке оказывается прекраснодушным мифом.

Ситуация встречи со «злом» в сюжете командированного эксплицирует иную, отличную от Ильи Ивановича, реакцию. Знание существования зла (хаоса) не приводит героя к разочарованию и глубокому пессимизму, напротив, командированный удерживает в себе некую неустрашимость и намеренность остаться на комбинате даже после того, как открылась его страшная тайна (сущность). Осознание тотальности «зла» открывает бессмысленность бегства – «Оно (зло. – *Н. Р., Т. Ч.*) будет теперь с ним повсюду, это знание и эта его сопричастность» [8, 502].

Экзистенциальный конфликт в сюжете командированного, как и в сюжете Ильи Ивановича, возникает в результате открывшегося знания о реальности, суть которой хаотична. В вымышленной истории о командированном раскрывается онтологический аспект абсурда,

выражающейся в осознании неотменимости зла (хаоса как основы бытия) и в необходимости продолжения жизни «без надежды на успех».

Осознание хаотичности реальности и выбор способа существования становятся основой сюжетообразующего мотива пути, вынесенного в заглавие повести. «Долгий путь» не что иное, как метафора познания, направленного на выработку представлений о внутренне противоречивых, хаотичных проявлениях мира (бытийного, социального, личностного) и действий, единственно возможных в обстоятельствах абсурда. Так, понимание невозможности сбежать с комбината в силу осознания того, что зло (хаос) укоренено в самой реальности, приводит командированного к стоической позиции. В результате чего единственно верным способом самоопределения становится для него душевно-духовное воссоединение с людьми, обречёнными жить на комбинате и жгущими костры в надежде на спасение – «костры жгли, как выяснилось не только командированные, жгли и работающие на комбинате, уже отчасти тяготившиеся своей работой» [8, 523]. Герой осознаёт, что мечта о вертолёте, который всех спасёт, – иллюзия («Нет смысла вскидывать глаза к небу каждую минуту» [8, 522]), поэтому движем чувством человеческой солидарности и желания совместности в беде.

Сюжет командированного раскрывает авторскую интенцию, подводящую к осознанию необходимости трезвого взгляда на внутренне противоречивые и хаотически непроясненные (абсурдные) свойства бытия и вместе с тем к выработке духовно-нравственных ориентиров, основанных на чувстве трагического гуманизма.

Сюжетообразующая ситуация встречи со злом (хаосом) в повести В. Маканина «Долог наш путь» художественно моделирует возможные варианты человеческой «организации» хаоса – бегство и сопротивление. В мире без смысла лишь этическое самоопределение становится подлинным способом самоопределения. Экзистенциальный характер художественной мысли раскрывается в жизнеутверждающем пафосе духовно-нравственного противостояния абсурду, пронизанном чувством трагического гуманизма – «действия без надежды на успех».

Список источников

1. Агеев А. Истина и свобода. (Владимир Маканин: взгляд из 1990 года) // Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 25–33.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

3. Камю А. Бунтующий человек; Миф о Сизифе. Москва: АСТ, 2021. 512 с.
4. Камю А. Посторонний: повесть. Чума: роман. Москва: АСТ, 2007. 348 с.
5. Климова Т. Ю. Метанарративные стратегии прозы В. Маканина // Вестник ТГУ. 2010. № 340. С. 12–16.
6. Липовецкий М. Против течения: Авторская позиция в прозе Владимира Маканина // Урал. 1985. № 12. С. 148–158.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
8. Маканин М. Долог наш путь. Москва: Вагриус, 1999. 527 с.
9. Маканин М. Отдушина: Повести. Роман. Москва: Известия, 1990. 560 с.
10. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): автореф. дисс. ... док. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2003. 46 с.
11. Рыбальченко Т. Л. Ситуация отказа от писательства в романах М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Маканина // Вестник ТГУ. 2003. № 227. С. 133–143.
12. Сартр Ж.-П. Тошнота. Москва: АСТ, 2020. 317 с.
13. Степанян К. Реализм как преодоление одиночества // Знамя. 1996. № 5. С. 203–210.
14. Сумерки богов / Сост. И общ. Ред. А.А. Яковлева: Перевод. Москва: Политиздат, 1998. 398 с.
15. Чурляева Т. Н. Проблема абсурда в прозе В. Маканина 1980-х начала 1990-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск, 2001. 247 с.

REFERENCES

1. Ageev A. Istina i svoboda. (Vladimir Makanin: vzgljad iz 1990 goda) // Literaturnoe obozrenie. 1990. № 9. Pp. 25–33. (In Russ.).
2. Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p. (In Russ.).
3. Kamju A. Buntujushhij chelovek; Mif o Sizife. Moscow: AST, 2021. 512 p. (In Russ.).
4. Kamju A. Postoronnij: povest'. Chuma: roman. Moscow: AST, 2007. 348 p. (In Russ.).
5. Klimova T. Ju. Metanarrativnye strategii prozy V. Makanina // Vestnik TGU. 2010. № 340. Pp. 12–16. (In Russ.).
6. Lipoveckij M. Protiv techenija: Avtorskaja pozicija v proze Vladimira Makanina // Ural. 1985. № 12. Pp. 148–158. (In Russ.).

7. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta. Moscow: Iskusstvo, 1970. 384 p. (In Russ.).
8. Makanin M. Dolog nash put'. Moscow: Vagrius, 1999. 527 p. (In Russ.).
9. Makanin M. Otdushina: Povesti. Roman. Moscow: Izvestija, 1990. 560 p. (In Russ.).
10. Markova T. N. Formotvorcheskie tendencii v proze konca XX veka (V. Makanin, L. Petrushevskaja, V. Pelevin): avtoref. diss. ... dok. filol. nauk: 10.01.01. Ekaterinburg, 2003. 46 p. (In Russ.).
11. Rybal'chenko T. L. Situacija otkaza ot pisatel'stva v romanah M. Bulgakova, B. Pasternaka, V. Makanina // Vestnik TGU. 2003. № 227. Pp. 133–143. (In Russ.).
12. Sartr Zh.-P. Toshnota. Moscow: AST, 2020. 317 p.
13. Stepanjan K. Realizm kak preodolenie odinochestva // Znamja. 1996. № 5. Pp. 203–210. (In Russ.).
14. Sumerki bogov / Sost. I obshh. Red. A. A. Jakovleva: Perevod. Moscow: Politizdat, 1998. 398 p. (In Russ.).
15. Churljaeva T. N. Problema absurda v proze V. Makanina 1980-h nachala 1990-h gg.: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Novosibirsk, 2001. 247 p. (In Russ.).

**«ACTION WITHOUT HOPE FOR SUCCESS»
OR THE POSSIBILITY TO «ORGANIZE» CHAOS
(V. MAKANIN «OUR WAY IS LONG »)**

Natalia A. Romashenko

Student, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Tatiana N. Churlyaeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State
Technical University (Novosibirsk, Russia)

Abstract

The "mature" prose of V. S. Makanin (1980-1990s) is characterized by a creative desire for an artistic representation of existential problems caused by socio-cultural and historical changes in the modern world, against which the crisis of a person's spiritual life is acutely revealed [1; 6; 13]. In this regard, the disclosure of the plot-forming meaning of the situation of cognition in its ontological and epistemological aspects is an opportunity to reveal the author's picture of the world, regarding ideas about a person and modern reality in the context of awareness of the absurdity of being. The subject of scientific research is the plot-forming elements of the situation of cognition in V. Makanin's story "Our Way Is Long". The purpose of the work is seen in revealing the plot-forming meaning

Н. А. Ромашенко, Т. Н. Чурляева

of the situation of cognition both in the plot (plot-story composition, space-time semantics) and narratological (narrative structure of the text) aspects. The study of the plot-forming situation of cognition against the background and in comparison, with the existentialist works of J.-P. Sartre and A. Camus makes it possible to reveal the existential nature of the artistic conflict of the story that arises at the moment a person discovers absurdity (chaos). The level of awareness of the absurd (epistemological or ontological) determines the hero's choice of a way of self-determination - flight or resistance "without hope of success". Despite the recognition of the absurd as an irrevocable property of being and consciousness in the author's position, the dominant feeling is the feeling of tragic humanism, which is close in its moral and ethical pathos to the philosophy of the absurd by A. Camus. The structural-semiotic approach of Yu. M. Lotman, which allows revealing the key meanings of the narrative logic of eventfulness, the artistic and communicative approach (M. M. Bakhtin, V. I. Tyupa, etc.), as well as the method of philological hermeneutics, which helps to identify the semantic meanings of the eventful elements of a literary narrative are used as research methods.

Keywords: existentialism, the plot of cognition, absurdity, evil (chaos), J.-P. Sartre, A. Camus

Для цитирования: Ромашенко Н. А., Чурляева Т. Н. «Действие без надежды на успех», или к возможности «организации» хаоса (В. С. Маканин «Долог наш путь») // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 169–178.

Поступила в редакцию 29.05.2023